

УДК 930

DOI 10.21661/r-554578

В. А. Ермаков**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ**

Аннотация: в работе проведен историографический обзор основных концепций политических репрессий в СССР второй половины 1930-х гг. Рассмотрены работы историков, публицистов, писателей либерального и патриотического направления. Либеральный подход отличается стремлением исследователей обосновать теорию «личной вины» И.В. Сталина и его соратников и концентрируется вокруг концепции «государственного антисемитизма». В либеральном подходе обосновывается теория мифологизации заговоров «сталинистами» и тотальная провокация заговоров с целью получения абсолютной власти в партии и государстве. Патриотический подход направлен на обоснование теории «необходимой защиты» СССР от внутренних и внешних врагов и сосредоточен на исследовании внутрипартийной борьбы двух элит: «ленинской гвардии» и «сталинской гвардии». С точки зрения представителей либерального подхода основными факторами политических репрессий стали: «антиеврейская чистка» партии и государственных структур, попытка ассимиляции еврейского населения, «подрыв еврейской идентичности», сталинская «патриотизация власти», возрождение традиций «национального великодержавия» и «руссоцентризма». С точки зрения представителей патриотического подхода определяющими факторами политических репрессий явились: борьба «сталинской гвардии» с «еврейскими большевиками», антиссионистская и антимасонская политика сталинистов, попытки «ленинской гвардии» (троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, тухачевцев) совершить государственный переворот и уничтожить группировку И.В. Сталина. В патриотическом подходе утверждается: заговоры против И.В. Сталина и его соратников, несомненно, существовали; репрессии были первоначально спровоцированы заговорщицкой деятельностью

троцкистов и зиновьевцев, а затем группировками региональных партийных руководителей и военных заговорщиков. В общем виде в патриотической литературе прослеживается историографическая концепция о диалектическом переходе «интернациональной революции Ленина – Троцкого» в «национальную революцию Сталина», революционного террора в контрреволюционный террор. Диалектический переход противоположностей оказывается исторически неизбежным феноменом: от революционного уничтожения русской элиты, от геноцида русского духовенства, дворянства, казачества к контрреволюционному уничтожению элиты «малого народа», от диктатуры «еврейского большевизма» к диктатуре «русского большевизма», от иудео-масонского – «троцкистско-зиновьевского» и «бухаринского» проектов ликвидации исторической России к «русскому возрождению». В заключение автор полагает, что потаенная сущность феноменологии репрессий обнаруживается в исследовании динамики русско-еврейских отношений, в изучении «еврейского вопроса» и «русского вопроса» периода репрессивной политики.

Ключевые слова: *теории репрессий, факторы репрессий, сталинская контрреволюция, ленинская гвардия, государственный антисемитизм, концепция перманентных репрессий, борьба «русских коммунистов» с «еврейскими большевиками», антитеррор, реставрация капитализма, война за независимость СССР, двойной заговор, заговор красных маршалов, убийство вождя, диалектика репрессий.*

Политические репрессии второй половины 1930-х годов – одно из главных противоречий истории России советского периода, выражение политического конфликта «русского большевизма» с «еврейским большевизмом». Каждая из сторон конфликта вкладывала в него свое содержание: либо «русское возрождение», либо «государственный антисемитизм». В результате сложилось два историографических подхода к анализу феноменологии политических репрессий: патриотический и либеральный.

Подчеркнем: в современных учебниках по курсу истории России в оценке проблематики массовых репрессий, как правило, применяется либеральный историографический подход. Например, в учебнике МГИМО выделяются две причины репрессий – «продолжение курса партии на насилие при проведении преобразований в стране...и культ личности Сталина, не терпящего оппозиции своей политики» [1, с. 280].

Аналогичную трактовку «репрессий» можно встретить в учебнике истории под редакцией *академика А.Н. Сахарова*: «Пик массовых репрессий пришелся... на 1937–1938 гг. Чтобы окончательно стабилизировать режим, Сталину нужно было разделить и противопоставить общество, разрушить подспудно сохранявшиеся остатки гражданских структур, решительно выкорчевывать всякое инакомыслие, независимые группы интересов» [2, с. 656]. Авторы учебника приводят спорные данные о количестве осужденных и репрессированных: «только в РСФСР с 1923 по 1953 г... было осуждено... 39,1 миллиона человек, или каждый третий дееспособный гражданин» [2, с. 654–655].

В учебнике МГУ также обнаруживается «списывание» всей ответственности за массовые репрессии лично на И.В. Сталина: «Посредством террора из общественно-политической и культурной жизни страны устранялась лучшая, свободомыслящая часть нации... и потому уже одним фактом своего существования представлявшая основное препятствие на пути окончательного утверждения личной власти И.В. Сталина» [3 с. 416].

Отметим: уровень исторической объективности системы оценок и выводов во многом, на наш взгляд, должен определяться соответствием политическим, идеологическим и правовым основам того исторического периода, который представляет научный интерес. Совершенно неверно исследовать исторические процессы посредством интерполяции системы современных либеральных, демократических, гуманитарных оценок на историческое прошлое. Либерально-демократической системы оценок не существовало до второй половины XX века. Применение данной системы оценок неизбежно искажает сущность

исторических процессов и во многом приводит к аберрации общественного сознания, к непониманию и фальсификации исторических событий.

Проблема альтернативности подходов в изучении истории России со всей очевидностью была поставлена в фундаментальном пятитомнике *Е.Ю. Спицына «Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов» (2018 г.)* [4]. После публикации указанного труда для многих историков стало понятно, что в изучении и преподавании курса отечественной истории необходим расширенный историографический, сравнительно-исторический подход. Поэтому автор данной работы видит исследовательскую и образовательную задачу в анализе различных подходов российских историков, публицистов и писателей к рассматриваемому периоду – политическим репрессиям в СССР второй половины 1930-х годов.

В ходе исследований проблем «массовых репрессий» в отечественной историографии сложились специальные историографические теории, в которых за основу брался, как правило, один определяющий фактор. В целом же все исследования современных авторов по указанной проблематике можно разделить на две части. Первая: исследования, в основе которых находится система оценок с позиций современной либеральной демократии. Вторая: исследования, в основе которых лежит национально-патриотическая система оценок.

Очевидно, либеральный подход доминирует в общественном сознании. Поэтому основной исследовательский акцент автор делает на расширенную реконструкцию патриотического подхода, который существует не в массовом сознании россиян, а в сознании узкого круга профессиональных историков и политиков. Актуальность рассмотрения патриотического подхода связана с тем, что в современной историографии количество общих работ в «защиту» И.В. Сталина, а также работ, непосредственно показывающих неизбежность политические репрессий, как фактора «спасения» СССР, в несколько раз превышает количество работ либеральных историков.

Сегодня нарастает процесс «реабилитации» И.В. Сталина и разоблачения «антисталинской мифологии». В декабре 2019 года патриотическим силам

впервые удалось провести научную конференцию «*Сталинские чтения*», где выступили ведущие российские историки, публицисты, политические деятели: проф. В.Э. Багдасарян, М.Г. Делягин, проф. В.Ю. Катасонов, А.И. Колпакиди, Е.Ю. Спицин, проф. А.И. Фурсов, О.Н. Четверякова и др. По материалам конференции был опубликован научный сборник [5].

В начале историографического исследования следует рассмотреть идеологические и исторические основы *либерального подхода*, так как этот подход сложился ранее патриотического. Данный подход был сформирован еще задолго до перестроечного и постперестроечного времени. Следует подчеркнуть: первоначально либеральный подход формировался не в отечественной, а в западной антисоветской историографии, причем основателями этого подхода явились – Л.Д. Троцкий, высланный из СССР в 1929 году, и его последователи – «троцкисты». Затем либеральный подход получает свое развитие в работах западных авторов (советологов).

Л.Д. Троцкий (Бронштейн) в своих книгах «Преданная революция» (1937 г.), «Преступления Сталина» (1937 г.), «Сталин» (1939 г.) и других обозначил основные темы концепции «контрреволюции Сталина», которые будут развиты в работах последующих авторов [6–8].

Наиболее подробно и точно все «обвинения троцкистов», выдвигаемые против И.В. Сталина, как «контрреволюционера» сформулировал *А.М. Орлов* (Лев Лазаревич Фельбин – до 1938 года член ВКП(б), советский разведчик – с 1938 диссидент, эмигрировал в США). В своей работе «Тайная история сталинского времени» А.М. Орлов фактически обосновал все основные направления по разоблачению «преступной политики» И.В. Сталина, которые станут активно воспроизводиться в работах современных либеральных историков [9].

Рассмотрим основные тезисы «обвинения», которые были сформулированы автором в расчете, как на возможность реального или заочного «судебного процесса» над И.В. Сталиным и «сталинистами», так и в расчете на «суд истории».

– Первое обвинение: И.В. Сталин в борьбе с оппозицией пришел к выводу: «Киров должен быть устранен, а вина за его убийство возложена на бывших

вождей оппозиции... если ему удастся доказать, что Зиновьев, Каменев и другие руководители оппозиции пролили кровь Кирова... он вправе будет потребовать: кровь за кровь» [8, с. 23].

– Второе обвинение: И.В. Сталин провел одну за другой «чистки партии». Сталин ликвидировал «Общества» старых большевиков – «Общество политкалторжан и ссыльнопереселенцев» и др. «Герои российского революционного движения, дожившие до сталинской тирании, были репрессированы» [9, с. 41].

– Третье обвинение: И.В. Сталин «сфабриковал» «мистические процессы»: «Московские процессы поставили мир перед дилеммой: либо все товарищи и ближайшие помощники Ленина действительно превратились в изменников и фашистских шпионов, либо Сталин является небывалым фальсификатором и убийцей» [8, с. 48].

– Четвертое обвинение: И.В. Сталин и нарком госбезопасности Н.И. Ежов разработали и осуществили план по уничтожению сотрудников НКВД, которые знали о фальсификации «Московских процессов». Затем практика уничтожения «чекистских кадров» постоянно воспроизводилась вплоть до смерти И.В. Сталина с целью сокрытия его преступлений.

– Пятое обвинение: И.В. Сталин «обезглавил» РККА. «12 июня 1937 года советский народ узнал, что уничтожены прославленный маршал Тухачевский и такие видные военные, как Якир, Уборевич, Корк, Путна, Эйдеман, Фельдман, Примаков» [8, с. 215]. Далее политика «уничтожения» видных военных была продолжена в предвоенные годы.

– Шестое обвинение: И.В. Сталин уничтожал не только оппозиционеров, но и своих соратников. Так, были ликвидированы: член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком Г.К. Орджоникидзе, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе, член ВКП(б) Н.С. Аллилуева (вторая жена Сталина) и др.

Таким образом, вся последующая постсоветская либеральная или, вернее, неотроцкистская историография будет доказывать историческую правоту обозначенных тезисов. Причем именно «троцкисты» в значительной мере повлияли на развитие западной антисталинской историографии.

В западной советологии, как и в российской историографии, сложились два подхода к оценке политических репрессий – антисоветский и просоветский. Антисоветский подход был основан на «теории заговора» И.В. Сталина и его соратников против Коммунистической партии. Просоветский подход также основывался на «теории заговора» или «тайной войны» против СССР капиталистических стран и «пятой колонны» – антисталинистов.

Р. Такер в книге «Сталин у власти. 1928–1941» (1990 г.) сформулировал основную проблематику «сталинских репрессий» следующим образом. «С 1932 года в СССР ведется заговорщическая деятельность с целью захвата всей власти посредством... актов террора против очень многих руководителей партии и государства... Заговор был направлен против тех, кого объявили его главарями: Зиновьева, Каменева, Троцкого и... других... Сталин сам стал заговорщиком против них. Их заговор был воображаемым, его заговор – реальностью» [10, с. 547].

М. Сейерес и А. Кан в книге «Тайная война против Советской России» (1947 г.) оценивали «сталинские репрессии» как фактор защиты СССР от внутренних врагов в ситуации неизбежной войны с Западом. «В течение 1932 г. будущая «пятая колонна» России начала принимать конкретные очертания... создавалась сеть террористических и вредительских ячеек и система курьерской связи... троцкистские организаторы выступали... на тайных собраниях заклятых врагов советского строя: эсеров, меньшевиков... националистов, анархистов и белогвардейцев – фашистов и монархистов» [11, с. 237]. В результате решительных действий И.В. Сталина и его команды в ходе репрессий, – приходят к выводу авторы, – удалось предохранить страну от переворота изнутри и от нападения извне: «В России к 1941 г. не оказалось представителей «пятой колонны»... Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены» [11, с. 333].

Таким образом, западная советология, западная историография по проблемам «политических репрессий» 1930-х гг. в СССР разделилась на два противоположных подхода.

После публикации работ троцкистов и работ западных авторов наступил новый исследовательский период, который был связан с «крушением СССР» и либеральными реформами начала 1990-х гг.

Начиная с 1990-х гг. исторические исследования проблем «массовых репрессий» формировалась под влиянием идеологии либеральной демократии. Историки, писатели, журналисты, литераторы того периода сформировали *теорию «личной вины» И.В. Сталина* за репрессивную политику 1930-х гг., пытаясь отделить Коммунистическую партию от имени И.В. Сталина и акцентировать исследования на феномене авторитарного правления и личной «диктатуры вождя»: «Сталин – организатор массовых репрессий»; «Сталин противопоставил себя принципам коллективного руководства ВКПБ-КПСС и узурпировал власть».

В 1990-е гг. с обоснованием теории «личной вины Вождя» в проведении массовых репрессий выступили: *А. Ваксберг, Д.А. Волкогонов, Ю.А. Геллер, Л.М. Млечин, Э.С. Радзинский, В.Н. Рапопорт, Н.К. Сванидзе* и др. [12–15].

Книга Д.А. Волкогонова «Сталин» (2 тома) появилась в 1992 году, была переиздана несколько раз и удостоена Государственной премии РФ (отец генерал-полковника Д.А. Волкогонова был расстрелян как «враг народа»). Историческое исследование Д.А. Волкогонова во многом определило либерально-демократический подход к изучению репрессивной политики 1930-х годов в СССР. Основные тезисы, выводы и оценки, обозначенные Д.А. Волкогоновым, стали воспроизводиться в дальнейших исследованиях либеральных авторов. Приведем некоторые ключевые тезисы ученого.

– «Сталин с помощью идеологического аппарата исподволь нагнетал в стране атмосферу подозрительности, настраивая на ожидание предстоящей кровавой чистки»... 15 августа 1936 года Зиновьев и Каменев по личному распоряжению Сталина вновь были преданы суду»... «Сталин узурпировал власть и совершал преступления» [13, с. 479–508].

– С помощью политических процессов «Сталин пытался доказать, что все бывшие оппозиционеры, троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы, меньшевики, дашнаки, эсеры, анархисты, бундовцы объективно всегда оставались на

позициях, враждебных социализму... особенностью этих процессов было стремление Сталина не просто уничтожить своих реальных и потенциальных оппонентов, но и предварительно вывалить их в грязи аморальности, измены, предательства. Все процессы являют собой беспрецедентный пример самоунижений, самооговоров, самоосуждений» [13, с. 510–511].

– Особенно значимый ущерб в ходе репрессий был нанесен вооруженным силам страны в результате того, что были репрессированы Маршалы Советского Союза Тухачевский, Блюхер, Егоров, а также другие видные военачальники.

– «Если говорить о персональной ответственности, то главный виновник всех этих невиданных репрессий – И.В. Сталин... Сталин и его окружение возвели насилие в норму жизни. Именно их усилиями в конце концов была создана такая система отношений в государстве и партии, которая породила обстановку беззакония» [13, с. 517–519].

Впоследствии антисталинская концепция Д.А. Волкогонова нашла свое преломление в исследованиях историков 2000-х гг. Так, согласно историографической версии *О.В. Хлевнюка* в организации и проведении политики «большого террора» основную роль сыграл *фактор личности И.В. Сталина*, который «вмешивался в судебные процессы» и настаивал на применении физического истребления «врагов народа» (лично подписывал «расстрельные списки») [16]. Аналогичных оценок придерживаются историки *В. Хаустов* и *Л. Самуэльсон*, в совместной работе которых главное внимание уделено роли И.В. Сталина в руководстве органами НКВД в период проведения массовых репрессий [17].

Полное отрицание каких-либо заговоров и особенно «заговора военных» обнаруживается в монографии *Н.С. Черушева* «1937 год. Был ли заговор военных?». Автор выстраивает целую систему отрицания «заговора военных» в следующих основных тезисах.

Во-первых, все дела и судебные процессы над видными советскими полководцами Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Корком и др. положили начало массовым репрессиям против преданных Родине и партии командно-политических кадров Советской Армии. В результате этих репрессий погибли крупнейшие

военные деятели, герои Гражданской войны: Блюхер, Егоров, Гамарник, Дыбенко, Белов, Федько, Алкснис, Каширин, Ковтюк, Орлов, Муклевич и др.

Во-вторых, не существует ни одного названия какой-либо военной антиправительственной организации, как не существует ни одного списка заговорщической организации, прокламаций, листовок, обращений к народу и армии, а также «вещественных доказательств» заговора.

В-третьих, в реальности существовала некая «надуманность заговора». «Репрессии в отношении советских военных кадров – это результат грубейших нарушений социалистической законности, произвола и преступных методов следствия, укоренившихся в условиях культа личности Сталина и при непосредственном участии в этих репрессиях Сталина, Молотова, Ворошилова, Ежова, Кагановича, Берия, Маленкова» [18, с. 521].

Немаловажное значение в создании либеральных концепций антисталинизма имели работы, направленные на «разоблачение революционной биографии вождя». В 1999 году под редакцией американского историка российского происхождения *Ю.Г. Фельштинского* (специалиста по антироссийской конспирологии) вышел сборник документов с комментариями «Был ли Сталин агентом Охранки?».

В данном сборнике однозначно утверждалось: И.В. Сталин имел удостоверение сотрудника «Охранного отделения», «провоцировал убийства и расстрелы рабочих жандармами», «оказывал содействие по розыску и аресту революционеров», «раскрывал связи революционеров и выдавал революционные организации» [19]. Из всего этого следовал «троцкистский» вывод: предательство И.В. Сталиным своих «соратников» в дореволюционные годы привело его к предательству «партии» и «дела революции» в послереволюционные годы и соответственно к политическим репрессиям 1930-х годов. Точнее: И.В. Сталин, как «агент Охранки», первоначально был внедрен в революционное движение с целью борьбы с ним, затем, после революции, И.В. Сталин «тайно» продолжил борьбу и сумел «натравить» одних большевиков на других и уничтожить вождей большевизма.

Тема «Сталин – агент Охранки» была развита в монографии *А.В. Островского* «Кто стоял за спиной Сталина?» (2004), в которой обнаруживается некоторая двойственность оценок. Вначале своей работы автор отрицает факт непрерывного сотрудничества И.В. Сталина с «Жандармским охранным отделением». В конце исследования автор отмечает, что «Следственное дело И.В. Сталина 1908 года» дает основания полагать о его непосредственном сотрудничестве с «царской охранкой» [20].

Необходимо особо подчеркнуть: тема «Сталин – агент Охранки» используется, с одной стороны, либеральными авторами с целью дискредитации «вождя». С другой стороны, эта тема используется в русской патриотической литературе с целью обоснования версии, что И.В. Сталин всегда, – и в дореволюционный период, и в послереволюционный, – был непримиримым «борцом с сионизмом» и «еврейским большевизмом».

Историки и писатели середины 1990-х гг., исследовавшие «потаянные» аспекты «сталинской политики», уже в наше время в 2000-е гг., выступили с работами, рассматривающими «еврейский вопрос» как основной вопрос периода «сталинских репрессий». Либеральные авторы: Я. Рабинович «Еврейство между Гитлером и Сталиным» (2009); Ж. Медведев «Сталин и еврейская проблема: Новый анализ» (2005), М. Тумшис, В. Золотарев «Евреи в НКВД СССР. 1936 – 1938 гг. Опыт биографического словаря» [21–23]. Патриотические авторы: Д. Верхогуров «Сталин и евреи. Информационная война против Вождя» (2017); В. Козлов «Евреи в России-СССР. Реалии жизни и мифы антисемитизма» [24–25].

Отдельно следует выделить историко-публицистический двухтомник *А.И. Солженицына* «Двести лет вместе», который издавался всего один раз в 2001–2002 гг. [26]. Книга описывает историю еврейского народа в России за период 1795–1995 гг. Необходимо ясно обозначить: все произведения А.И. Солженицыны «Архипелаг ГУЛаг» и другие имели антисталинскую направленность и послужили идейно-мировоззренческой основой формирования различного рода концепций антисталинизма. Однако парадоксальным образом в книге

«Двести лет вместе» оценки автора репрессий частично совпадают с оценками авторов патриотического направления.

Патриотические оценки А.И. Солженицыным репрессий середины 1930-х гг.

– Как и большинство авторов патриотического направления, А.И. Солженицын начинает анализ репрессий середины 1930-х гг. с утверждений о доминировании евреев в политической, экономической и культурной жизни СССР: «нельзя отрицать: история внесла советских евреев в ряды вершителей всероссийской судьбы»; «в ГПУ и НКВД... их добрая половина»; в «руководстве Гулага... большая доля евреев была и там»; «с 1 января 1935 по 1 января 1938 представители этой национальности возглавляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел [26, с. 293–295].

– А.И. Солженицын отрицает «мотив антисемитизма» в период репрессий: «в преследовании евреев – в изгнании из карательных органов... не было в том изгнании антиеврейского мотива» [26, с. 297]. Этот же мотив отрицается в патриотической литературе.

– А.И. Солженицын «истребительный вал 1937–1938 гг.» оценивает как дело одних советских евреев руководителей против других. Так, – отмечает автор, – «Григорий Штерн... начальник штаба Дальневосточного фронта... в марте 1939 на XVIII съезде партии держал такую речь: «Мы с вами уничтожили кучку всякой дряни – тухачевских, гамарников, уборевичей..., – а сам был расстрелян... осенью 1941» [26, с 298]. Историкам-патриотам давно известно, что одна сионизированная партийная группировка (троцкистско-зиновьевский блок) боролась за власть в СССР с другой менее сионизированной группировкой (сталинисты).

Таким образом, А.И. Солженицын в своем последнем исследовании «Двести лет вместе» во многом оказался на стороне патриотических авторов по большому кругу проблем отечественной истории и, в частности, по вопросам оценки политических репрессий в СССР.

Общий итог и обобщение либеральных теорий «сталинских репрессий» был фактически осуществлен в работах Г.В. Костырченко, который в книге *«Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм»* (2015 г.) обосновал концепцию *«тайной (антисемитской) политики И.В. Сталина»*. Основные положения данной концепции представляют следующие тезисы.

– Сущность решения «еврейского вопроса по-сталински» заключалась в «полной ассимиляции еврейского населения», посредством уничтожения национально-культурной самобытности еврейского народа («подрыв еврейской идентичности») и в создании новой интернациональной, советской идентичности среди еврейства. И.В. Сталин, согласно Г.В. Костырченко, обладал «патологической параноидальной юдофобией».

– Главными предпосылками «официального аппаратного антисемитизма» явились: «сталинская патриотизация власти», «новая генерация советской бюрократии, в которой превалировала славянская молодежь», борьба с «сионистским подпольем», «возрождение традиций национального великодержавия... в аппарате ЦК примерно с 1938 г. прекратились кадровые назначения чиновников еврейского происхождения» [27, с. 345–358].

– «Массовая и ускоренная ассимиляция стала краеугольным камнем решения еврейского вопроса советскими вождями, которые всегда рассматривали поглощение нацменьшинств доминирующей нацией как объективно прогрессирующее явление» [27, с. 371].

– «В первый период (1917–1935 гг.) власть преимущественно покровительствовала евреям – как дискриминированному при царизме нацменьшинству, поддержавшему в большинстве своем советизацию страны... В ходе второго периода «еврейской политики» (с 1936 г.) произошел отказ сталинского режима от ленинской интернационалистской парадигмы с заменой ее «русоцентристской» идейно-политической моделью, что... и подготовило почву для верхушечного антисемитизма, ставшего в руках Сталина средством манипулирования аппаратной бюрократией [27, с. 372–373].

Примечательно: историк-фронтовик В.И. Козлов опровергает концепцию «антисемитизма Сталина», разработанную в сочинениях Г.В. Костырченко и приводит следующие доводы. «Об отсутствии у И.В. Сталина антисемитизма свидетельствует его кадровая проеврейская политика в 1920-е годы... и до середины 1930-х годов... немало высших партийных и государственных деятелей имели еврейских жен: Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, В.М. Молотов, В.В. Куйбышев, С.М. Киров, В.В. Андреев, Н.И. Ежов... Другим свидетельством отсутствия у И. В. Сталина антисемитизма было продолжавшееся при нем улучшение жизни евреев в СССР... Наплыв еврейской молодежи в вузы продолжался и в 1930-х годах... евреи составляли в СССР 13,3% всех студентов и 18% всех аспирантов... В Москве проживало 6,2% евреев... в Ленинграде 5,2%... по переписи населения 1939 г. численность евреев в РСФСР возросла до 957 тыс. [25, с. 164–165].

В общем виде в системе либерального подхода к анализу политических репрессий обнаруживается направленность исследователей на дискредитацию личности И.В. Сталина и его соратников. В работах либеральных авторов И.В. Сталин рассматривается как «изменник Родины», «параноидальный тип», «агент охраны», «патологический антисемит», «предатель дела Ленина», «продолжатель политики русского царизма» и др.

Таким образом, первоначально, в исследовании проблематики массовых репрессий была сформирована *либеральная доктрина «антисталинизма»*, в которой термин «массовые репрессии» все чаще стали заменять определением «сталинские репрессии». Впоследствии, по мере роста русского национально-патриотического самосознания, сформировалось опровержение доктрины «антисталинизма» как своеобразной «мифологии отечественной истории».

В работе *К.К. Романенко «Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР» (2012 г.)* раскрыты политические цели создателей либеральной доктрины «антисталинизма». Автор пишет: «Поскольку при Сталине воров расстреливали, воры ненавидят его и боятся, что для пресечения преступного беспредела чиновничества и правящей элиты, чтобы порвать порочный круг деградации страны, власть

применит меры и устроит 37-й год»; «Поэтому десталинизация общества сегодня становится главной задачей для российской элиты. Боясь даже сравнений со Сталиным, она стремится полностью демонтировать, вырезать его из общественного сознания»; «Антисталинизм – это рессентимент потомков репрессированных врагов народа, жаждущих освободиться от нравственных общественных запретов» [28, с. 261–262].

Стоит отметить: в работах либеральных историков искажаются или замалчиваются проблемы *национального фактора* в политике репрессий, которые стали одной из основных тем исследований в патриотической литературе.

Патриотический подход. Общее направление в развенчании либеральной «мифологии сталинских репрессий» первоначально во многом было задано работами известных историков-патриотов: *академик Ю.К. Бегунов, проф. Ю.Н. Жуков, Р.Т. Ключник, проф. В.В. Кожин, Ю.Ю. Козенков, О.А. Платонов, С.Н. Семанов.*

Ю.Ю. Козенков разработал концепцию «перманентного террора и перманентных репрессий». Автор обосновывает «перманентный террор» исходя из статистических данных о жертвах русского и других коренных народов России за довоенный период господства «иудео-большевистской власти». «За период Гражданской войны и чекистских репрессий они уничтожили только за 1917–1923 годы... восемнадцать миллионов человек. Затем последовала коллективизация с репрессиями и голодомором унесшими порядка десяти миллионов... коллективизацию сменили три волны жесточайшего террора с 1933 по 1940 годы» [29, с. 38].

Общий концептуальный вывод Ю.Ю. Козенкова обнаруживается в следующем положении: «Разрушение России, начатое Лениным и Троцким в 1917 году, во имя торжества мирового сионизма, остановил Сталин... именно он спас тогда страну и наш народ от полного уничтожения. Будучи великим стратегом и психологом... Он понял, что уже в середине 20-х годов среди иудеев-завоевателей образовалось два блока, две партии: партия единомышленников Ленина и партия сторонников Троцкого. Обе они были в известной степени сионизированы, и та

и другая уничтожала русский народ... И одна, и другая служили интересам мирового сионизма и Западных врагов России. Единственным путем ослабить их разрушающую деятельность Сталин видел в одном: столкнуть между собой эти сионистские группировки в борьбе за власть, которые не имели ничего общего ни с рабочими, ни с крестьянами, ни с Россией» [29, с. 40].

Таким образом, концепция перманентного террора Ю.Ю. Козенкова утверждает три этапа развития революционного насилия в СССР: от «*перманентной революции*» к «*перманентному террору*» и далее к «*перманентным репрессиям*».

Глубокий анализ причин репрессии 1930-х гг., по нашему мнению, представлен в трудах историка, писателя, издателя русской патриотической литературы О.А. Платонова. Основную причину репрессий, согласно О.А. Платонову, можно обнаружить в *национальном факторе борьбы «русских коммунистов» с «еврейскими большевиками»,* именуемыми «*ленинской гвардией*». О.А. Платонов фактически обосновал *теорию репрессий как противостояния антирусских, космополитических сил («еврейского интернационала») и русских патриотов («сталинистов»).* Данную теорию необходимо рассмотреть подробнее.

1. «В конце 20-х – 30-е годы большевизм, прежде всего ленинизм и троцкизм, умирал... на место большевистских функционеров – профессиональных убийц – приходили другие люди, для которых партия представлялась не орудием геноцида против русских, а средством карьеры... Сначала незаметно, а затем в ярко выраженных формах разгорается борьба между космополитическими и государственно-патриотическими элементами большевизма» [30, с. 21].

2. «Зверства гражданской войны, геноцид 1920-х, в т.ч. и собственную вину за участие в этих чудовищных антирусских актах, Сталин списывал на «врагов народа». А ведь и в самом деле большая часть репрессированных в 1937 и позднее были врагами Русского Народа... За 1930 – 40-е под руководством Сталина было уничтожено не менее 800 тыс. еврейских большевиков, цвет иудейской антирусской организации, рассчитывавших превратить Россию в еврейское государство. Были уничтожены почти все иудейские вожди» [31, с. 764].

О.А. Платонов полагает, что русский народ не мог не нравственно, не в гражданском, не в духовном смысле принять «ленинскую гвардию», состоящую в основном из представителей «малого народа» в качестве руководителей и устроителей дальнейшей исторической судьбы России. И «ленинская гвардия» не могла строить Советское государство вместе с русским народом, так как в годы революции и Гражданской войны занималась подавлением и геноцидом русского народа, а после идеологически запрещала русскую культуру и физически уничтожала русскую цивилизацию. Отсюда явно обозначился конфликт русского народа, лишённого власти и «малого народа», стоящего у власти. И.В. Сталин все это осознал и принял решение устранить данный конфликт и строить Советскую республику на основе ценностей русской истории и русской культуры. Именно в устранении указанного конфликта, согласно О.А. Платонову, заключалась сущность сталинской репрессивной политики.

3. «Гений Сталина состоял в том, что он сумел коммунизм из орудия разрушения России превратить в инструмент русской национальной политики, укрепления и развития Русского государства» [32, с. 491].

4. «Главный итог 30-х годов – освобождение России от прямого владычества еврейского интернационала, пытавшегося уничтожить русский народ физически и духовно. Большевизм был побежден русским народом».

Концептуальный вывод О.А. Платонова состоит в том, что, во-первых, в ходе репрессий И.В. Сталин «спас русский народ от дальнейшего геноцида еврейских большевиков» и, во-вторых, в ходе репрессий И.В. Сталин «сумел организовать русский народ для борьбы с фашизмом» [32, с. 547].

Национальный фактор борьбы «русских большевиков» с «еврейским большевизмом» как причину репрессий, также как и О.А. Платонов, рассматривает историк С.Н. Семанов. «Устранение верхушки правящего слоя страны, знаменитой «старой гвардии» большевиков, приходится оценивать по особому счету: все эти троцкие-бронштейны, зиновьевы-аппельбаумы, камeneвы-розенфельды, ягоды-иегуды и прочие (имя им легион) заслужили то, что получили... в ходе революции и гражданской войны весь бывший русский правящий слой был

уничтожен, безжалостно и бестрепетно, а место его заняли люди, которые по своему этническому происхождению никакого отношения к русским как нации не имели... они палачествовали над миллионами людей тайно, а потом так же тайно удавили их самих в ими же возведенных застенках» [33, с. 243–244].

В трудах представителей патриотического подхода выделяется «*масонский фактор*», который рассматривается как своеобразный «ключ» к пониманию глубинной сущности сталинской политики в целом и политических репрессий, в частности.

Академик *Ю.К. Бегунов* приводит следующие факты. Во-первых, «Среди руководителей большевиков... было немало масонов... К масонам принадлежали Собельсон-Радек..., Литвинов-Баллах..., Максим Горький..., еще до революции масонскую ложу... посещали Апфельбаум-Зиновьев..., Розенфельд-Каменев. Самым влиятельным масоном после Ленина был Л.Д. Бронштейн-Троцкий» [31, с. 394 – 395]. Во-вторых, «Орудием сионо-масонской политики в СССР с 1922 года стал... Троцкий и его сторонники... Сталин и его ближайшее окружение в 1930 – 1950-е годы трижды проводили антимасонские и антиссионистские кампании, что позволило значительно снизить процент масонов и сионистов в Правительстве и Политбюро ЦК ВКП(б)» [34, с. 399].

И.В. Сталин и его сподвижники К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, С.М. Киров, А.А. Жданов, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе и др. никогда не имели никаких масонских и сионистских связей.

В.В. Большаков полагает, что деятельность Л.Д. Троцкого в партии большевиков носила не коммунистический (построение советского государства), а масонский характер: «Троцкий... был посвящен в реальные планы мировой закулисы, предусматривавшие запуск «перманентной революции» в глобальных масштабах... через Шиффа и Уорбургов Троцкий знал о предстоящем разделе России по «плану Хауса» на шестьдесят восемь государств в ходе революции... Революция в России была для Троцкого свершившимся фактом, на очереди была мировая еврейская революция... Троцкий хотел стать еврейским Мессией» [35, с. 306–307].

О.А. Платонов приводит целый ряд фактов, доказывающих непосредственную связь масонства и большевизма: «Ленин налаживает тайные связи с зарубежными масонскими ложами... В Петрограде при большевиках одним из центров насаждения масонства стала Публичная библиотека, которая еще до революции приобрела репутацию масонского гнезда; Известны факты активного сотрудничества большевиков с масонскими и зарубежными ложами... Несомненно продолжались масонские контакты «вольных каменщиков – большевиков» – Луначарского, Бухарина, Скворцова-Степанова, Середы, Вересаева и др.; Большевицкая власть была «облеплена» представителями мирового масонства, его эмиссары постоянно посещали Россию, встречались с руководителями антирусских сил Лениным, Троцким, Бухариным, Петровским, Луначарским; Международное масонство с большим интересом изучало большевицкий опыт по разрушению Русского государства» [36, с. 205–207].

Однако масонские планы в отношении России были нарушены политической деятельностью И.В. Сталина. Вполне правомерно предположить, что латентной первоосновой «сталинских репрессий» была борьба партийной группировки И.В. Сталина с той частью большевиков, которые на практике осуществляли «масонский проект» – первоначально в отношении Российской империи, а затем по отношению к СССР.

Мировое масонство интересовала не «Красная империя» как развитая индустриальная держава, построенная И.В. Сталиным, а «расчлененная Россия» как сырьевой и экономический придаток Запада. «Масонский проект» предусматривал ликвидацию России как государства и тотальное уничтожение русского народа в «пожаре мировой революции». Как известно масонская теория «перманентной революции» Л.Д. Троцкого предполагала всеобщее вооружение русского и других коренных народов России, которым отводилась роль «тарана мировой революции». Революция в России, как полагал Л.Д. Троцкий, не завершалась построением государственности, а служила плацдармом для «мировой революционной войны».

В результате похода в Европу, организованного сторонниками мировой революции (Советско-Польская война 1920 г.), Красная Армия должна была осуществить «масонский план» окончательного разрушения национальных европейских государств. После поражения в войне с Польшей И.В. Сталину посредством увеличения численного состава «русских кадров» («сталинский призыв») удалось вывести Россию из «масонского проекта» мировой революции и в результате политических репрессий уничтожить «пятую колонну» внутри партии и государства.

Отметим: ликвидация масонства в СССР стала неожиданностью, как для мирового масонства, так и для российских масонов. В этой связи О.А. Платонов отмечает следующее: «Масонство, – заявлял в 1934 году вольный каменщик Л. Любимов..., – когда падут большевики, займется воспитанием русского народа... Однако ожидания масонов оказались напрасными. Вместо государства еврейского интернационала, близкого масонам, на глазах изумленного западного мира начинает возрождаться национальная Русская держава» [37, с. 83].

Здесь следует отметить: первоначально развенчание либеральной доктрины антисталинизма осуществлялось в публицистических работах представителей «русского сопротивления» (Козенков, Платонов, Большаков, Мухин, Семанов), т.е. русских национальных мыслителей. Параллельно с разоблачениями либеральной доктрины антисталинизма в трудах историков-патриотов происходило разоблачение этой доктрины в среде академических ученых.

Историк-архивист Ю.Н. Жуков основную причину «большого террора» усматривает в *факторе борьбы региональных и центральных группировок партийного руководства*, которая развернулась в результате попытки И.В. Сталина «отстранить партию от власти» и передать правление в Верховный Совет СССР, заменив тем самым «диктатуру партии» на подлинную «народную демократию».

И.В. Сталин, А.А. Жданов, С.М. Киров, В.М. Молотов и др. в начале 1930-х гг. готовили новую «Конституцию», по которой выборы в партийные и государственные органы должны были стать всеобщими, прямыми, тайными и альтернативными. Альтернативность «перепугала» региональных чиновников.

Стало ясно, что региональные руководители в результате новых «сталинских» выборов не смогут удержаться у власти. И эти чиновники: Эйхе, Поскребышев, Хрущев и др. придумали «странный ход». Они заявили о наличии «террористических организаций» в регионах, а затем поставили вопрос о проведении репрессий.

Региональные руководители, согласно Ю.Н. Жукову, вынудили И.В. Сталина и его соратников начать репрессии в стране. В ходе репрессий, как полагали «регионалы», начнется массовое недовольство в партийных рядах, что приведет к устранению И.В. Сталина и смене партийного руководства. В результате исследователь приходит к выводу, что именно региональные партийные органы выступили инициаторами «большого террора» [38].

Историк Ю.В. Емельянов развил концепцию Ю.Н. Жукова и обосновал *теорию навязывания сталинскому руководству политики репрессий со стороны «партийных секретарей»*. Согласно автору, «Эйхе, Хрущев, Икрамов, Постышев, Варейкис, Мирзоян, Шарангович, Евдокимов, Рындин и другие» явились инициаторами репрессий. «Политическая недалёковидность Эйхе и других партийных руководителей, стремившихся навязать руководству страны политику массовых репрессий, проявилась в том, что они не учли последствий выступления против Сталина... Они не замечали, что, добившись тактического успеха и навязав сталинскому руководству репрессии, они превратились в смертельных врагов этого руководства» [39, с. 258].

Военная версия причин «большого террора» была выдвинута известным историком патриотического направления *проф. В.В. Кожин*ым. Автор причину репрессий видел в *военно-политическом факторе*: в преддверии неизбежной войны, развивая линию патриотизма и понимая антиеврейские настроения в русском народе, И.В. Сталин решил осуществить репрессии против «еврейского партийной номенклатуры», чтобы заручиться поддержкой русского народа в предстоящей войне.

В.В. Кожин пришел к такому выводу исходя из анализа психологии «старых большевиков»: «Выросшие в условиях революционной борьбы, мы все

воспитали в себе психологию оппозиционеров... мы все не строители, а критики, разрушители... с таким человеческим материалом ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с *неми­нуемо нам предстоящей войной*... дальше речь идет о выводе Сталина: «если старые большевики, та группа, которая является *правлящим слоем* в стране, не пригодны для выполнения этой функции в новых условиях, то надо как можно скорее снять их с постов, создать новый правящий слой... с новой психологией, устремленный на положительное строительство» [40, с. 492].

«Историки-сталинисты» *Г.И. Торбеев и П.Г. Свечников* приводят весьма специфическое объяснение причин репрессий, полагая в их основе *фактор самозащиты советской власти от преступности*: «Революция освободила людей не только от пут самодержавия, но и от всех элементарных норм морали и нравственности... Новое власть прилагала титанические усилия, чтобы воспрепятствовать этому... Поэтому сталинская система массовых репрессий выростала как мера самозащиты нового общества от рожденной в условиях катаклизмов мировой и гражданской войн преступности. И мера эта становилась постоянно действующим фактором нового общества» [41, с. 243].

Известный историк патриотического направления *А.В. Елисеев* обнаруживает истоки «сталинских репрессий» во *внешнеполитическом факторе*. И. В. Сталину, по версии А.В. Елисеева, удалось «сорвать заговор глобалистов», который сочетался с внутренним «заговором антисталинистов», стремившихся свергнуть «партию власти» и спровоцировать новую Гражданскую войну. В результате репрессий, согласно автору, И.В. Сталин смог выполнить государственные задачи по обеспечению безопасности СССР: ликвидировать лидеров «пятой колонны»; прекратить действие планов западных спецслужб по уничтожению советской России; «привить русским иммунитет против глобализма» [42, с. 294].

В концепции А.В. Елисеева большое значение отводится идеологическим основам репрессивной политики. В ходе репрессий утвердилась новая официальная идеология «державного патриотизма», шел процесс организации «русской

партии», способной уничтожить «еврейский большевизм». «Одновременно наращивалась пропаганда русского национального патриотизма, – пишет автор, – бичевались «безродные космополиты», утверждался культ русских царей. В народе упорно ходили слухи о том, что Сталин возродит монархию..., была полностью прекращена антирелигиозная пропаганда..., шел процесс перерастания социалистической революции в национальную» [43, с. 341]. В результате, согласно автору, процессы русификации большевистской партии и выдавливание из нее «ленинской гвардии» вполне объективно вели к построению в СССР «национального социализма».

А.В. Елисеев в ходе своего исследования проблемы «репрессивной политики» пришел к однозначному выводу: «Сталина ни в коем случае нельзя считать инициатором массовых политических репрессий, развернувшихся в 1937 – 1938 годах» [43, с. 345]. Первоначально, полагает автор, репрессии были спровоцированы тайной, заговорщической деятельностью групп троцкистов и зиновьевцев. Партийное руководство вынуждено было пойти на уголовное преследование этих групп. Затем выяснилось, что группа Бухарина была связана с троцкистами и зиновьевцами. И тогда группа региональных лидеров (партийных олигархов – Косиор, Эйхе, Хрушев и др.) выступила за репрессивные меры. Ситуацию усугубила деятельность военных заговорщиков (Тухачевский, Якир и др.). После того, когда массовый террор поглотил и регионалов, И.В. Сталину удалось остановить «маховик террора».

Сходных взглядов с А.В. Елисеевым в анализе репрессий 1930-х гг. придерживается военный историк *А.Б. Мартиросян*. В его оценках репрессии рассматриваются как *фактор защиты советского государства* от объединенного натиска внутренних «врагов» («выкорчевывание пятой колонны») и внешних «врагов» («Коалиция против СССР»). Автор приходит к следующим выводам: «системы сталинского террора в том виде, в каком она описывалась предшествующими поколениями западных и... отечественных исследователей никогда не существовало; влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным; массового страха перед репрессиями... не было; репрессии

имели ограниченный характер и не коснулись большинства советского народа; советское общество скорее поддерживало сталинский режим, чем боялось его» [44, с. 510].

А.Б. Мартиросян сосредоточивает свои исследования на развенчании «ходовых мифов антисталинаны». Так, например, согласно А.Б. Мартиросяну, в 1930-е гг. миф о «государственном антисемитизме» «пытался запустить в пропагандистский оборот лично Лев Давидович Троцкий-Бронштейн... Цель – взъерить против Сталина и Советского Союза весь Запад, где еврейские общины обладают громадным влиянием на общественное мнение» [45, с. 374].

С другой стороны, либеральные историки, в частности *Г.В. Костырченко*, упорно отстаивают тезис, что основным *фактором репрессий была политика «государственного антисемитизма»* в форме «большой антиеврейской чистки», в результате которой «еврейская идентичность» оказалась «под прессом большого террора» [27, с. 277].

Обоснованную версию причин и сущности «большого террора» выдвигает исследователь *Р.Т. Ключник*. Автор ставит ключевой вопрос: «Кто репрессировал в 30-х: Братья Берманы? Сталин? Или...», – так, собственно, называется книга известного историка-патриота. Р.Т. Ключник первопричину репрессий выводит из специфики политической ситуации 1930-х годов: одни «еврейские большевики», находящиеся у власти, репрессировали других «еврейских большевиков», также находящихся у власти. Следовательно, основным *фактором репрессий являлась внутривнутрипартийная борьба «еврейских большевиков» и их группировок за политическую власть в стране*, – таков вывод автора.

Вот каким образом Р.Т. Ключник характеризует парадоксальность политической ситуации 1930-х гг.: «осужденные заговорщики-троцкисты готовили заговор против Сталина, чтобы отобрать у него власть над СССР, а другие евреи, преданные Сталину: Л. Каганович, Янкель Сорензон-«Агранов», «двурушный» Гершель Ягода защищали Сталина и громили своих соплеменников – заговорщиков. В своих мемуарах участник тех событий энквэдист А. Орлов-Фельдбин по поводу картины «Одни евреи громили других евреев» отметил

оригинальность момента: «следствие приняло характер почти семейного дела». Во многих случаях хорошие знакомые или даже друзья допрашивали друг друга, и обе стороны прекрасно понимали, что происходит и почему. То есть наблюдаем внутривластные разборки за власть, в том числе и внутриеврейские разборки, где во главе одной, более-менее интернациональной группировки стоял Сталин. В результате всей этой... «разборки» преимущественно еврейская группировка проиграла» [46, с. 247–248].

Р.Т. Ключник все властные группировки в СССР середины 1930-х годов (троцкисты, сталинисты, зиновьевцы, бухаринцы, энкэведешники, технократы, военные и др.) оценивает как власть «еврейского интернационала» над Россией. Поворот И. В. Сталина к «русскому большевизму» (наполнение ВКП(б) русскими кадрами и устранение еврейских) осуществлялся как вынужденная мера борьбы за власть внутривластных еврейских группировок. Одна еврейская группировка была сионизирована (троцкистско-зиновьевская), а другая полувеврейская группировка (сталинская) интернационализована. Победа сталинской группировки не означала ее полной «десионизации» или полной «русификации», она по-прежнему осуществляла коммунистический проект построения бесклассового общества в СССР.

Р.Т. Ключник в различных своих книгах рассматривает коммунизм (первоначально, марксизм-ленинизм) как «еврейский проект» по разрушению национальных империй (Германской, Российской, Австрийской и Турецкой) и захвату власти в Европе представителями иудео-масонских социал-демократий, что, собственно, и произошло. И далее коммунизм (ленинизм, троцкизм и сталинизм) также как «еврейский проект» по удержанию власти над «порабощенными народами» в интересах мирового сионизма и иудео-масонских олигархических структур. Поэтому вывод Р.Т. Ключника понятен: политические репрессии 1930-х годов – это столкновение двух антирусских – «еврейских группировок» в борьбе за власть в СССР.

Важно отметить: подтверждаются ли выводы Р.Т. Ключника объективными фактами? Здесь вполне правомерно можно обратиться к статистическим данным

по этническому составу правящей элиты в СССР, включая ответственных работников ОГПУ-НКВД, дипломатов и др. в 1917–1921 гг. и в 1936–1939 гг., которые приведены в книге А.И. Дикого «Евреи в России и в СССР». Суммируем в таблице данные автора, которые он обобщил на базе официальной советской печати того времени [47, с. 233–245].

Таблица

<i>Государственные и партийные органы</i>	<i>1917–1921 гг. (этнический состав)</i>	<i>Государственные и партийные органы</i>	<i>1936 – 1939 гг. (этнический состав)</i>
ЦК РСДРП (б)	Евреев 9. Русских 3	ЦК ВКП (б)	Евреи 61. Не-евреи 17. Не выяснено 7
СНК	Евреев 17. Русских 3. Армян 1. Грузин 1	СНК	Евреи 115. Не-евреи 18. Не выяснено 3
Комиссариат Иностранных дел	Евреев 13. Армян 1. Немцев 1. Русских 1	Комиссариаты: Иностр. дел и Внешней торговли	Евреи 106. Не-евреи 17. Не выяснено –
Главный совет народного хозяйства	Евреев 45. Русских 4. Армян 1. Немцев 2. Латышей 2	Комиссия Госплана	Евреи 12. Не-евреи 3. Не выяснено –
ВЦИК	Евреев 33. Русских 1	ВЦИК	Евреи 17. Не-евреи 3. Не выяснено 2
Комиссариат Внутренних Дел и ЧК	Евреев 43. Латышей 10. Армян 3. Поляков 2. Немцев 2. Русских 2	ОГПУ-НКВД	Евреи 53. Не-евреи 3. Не выяснено –
Военный Комиссариат	Евреев 35. Латышей 7. Немцев 1	Полит. Управле- ние Р.К.К.А.	Евреи 20. Не-евреи 1. Не выяснено – 1

Из приведенных данных становится очевидно, что тезис Р.Т. Ключника о сущности репрессий как феномене борьбы «еврейских группировок» внутри Коммунистической партии вполне объективен.

Известный петербургский историк и писатель *А.М. Буровский концептуально делит репрессии на «оправданные» и «неоправданные»*. Вот как он

понимает дихотомию репрессий: «Левые историки, вменяют в вину Сталину репрессии по отношению к другим коммунистам. И не замечают намного более масштабных репрессий в отношении других категорий населения. С нашей же точки зрения, все наоборот – самой «оправданной» репрессий были как раз репрессии в отношении самих коммунистов. А самыми «неоправданными» – репрессии по отношению к тем, кто не хотел строить утопию, был к ней равнодушен или кто подлежал истреблению или «перековыванию» согласно этой утопии [48, с. 255]. К «неоправданным репрессиям» А.М. Буровский относит «жертвы судебных репрессий» за уголовные, административные, дисциплинарные правонарушения, репрессии в отношении народов, депортации, «раскрестьянивание», «голодомор» и др.

В общем виде А.М. Буровский не выделяет «политические репрессии» как специфическую форму борьбы за власть в СССР. Автор рассматривает «политические репрессии» в контексте перманентной Гражданской войны, ведущейся коммунистами против всякого инакомыслия и сопротивления на протяжении всей советской истории: «Вся история СССР может рассматриваться как история воплощения утопии и как гражданская война утопистов с собственным народом, – таков основной вывод исследователя» [48, с. 280].

Концепция «двойного заговора» военных против И. Сталина и А. Гитлера А.И. Колпакиди, Е.А. Прудниковой и концепция «заговора красных маршалов» С.Т. Минакова [49; 50]. В книге А.И. Колпакиди и Е.А. Прудниковой «Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи» (2000 г.) обосновывается концепция параллельного, одновременного и взаимосвязанного заговора военной элиты фашистской Германии и военной элиты Советского Союза против собственных вождей – «фюрера» и «отца народов» в середине 1930-х годов. Цель военного заговора – предотвратить неизбежную войну и установить военно-политическую диктатуру как в Германии, так и в СССР. Главой заговора в Германии был генерал-полковник Йоханнес Фридрих Леопольд фон Сект (1866–1936). Главой заговора в СССР был Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937).

Концепция – «военного заговора» особенно важна большой степенью реального исторического воплощения и наибольшей вероятностью практического осуществления. Как известно, операция Валькирия или «заговор генералов» была осуществлена 20 июля 1944 года (А. Гитлера спас дубовый стол). Также известно, что идейно данная операция вызревала в военной верхушке Германии в середине 1930-х годов. В СССР, в отличие от Германии, после «дела военных» и расстрела М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира и др. (1937 г.), а затем В.К. Блюхера и др. (1938 г.) возможность военного переворота была фактически ликвидирована.

Авторы концепции «двойного заговора» реконструируют следующую версию исторических событий. В Германии в середине 1930-х годов в среде высшего офицерства генералом фон Сектом и другими была выстроена концепция «военно-политической диктатуры». В СССР в середине 1930-х годов также сложился заговор «военной партии»: «Как и немецкий, наш заговор объединил все оппозиционные Сталину группы, которые в начале 30-х годов стали, не сливаясь, все же формироваться в единую силу» [49, с. 535].

«Армейские троцкисты», «группа Тухачевского», «группа Ягоды» полагали, что избежать войны с Германией возможно в случае «военного переворота» и свержения «сталинистов», а также в случае военного переворота в Германии и свержения «фашистов». Согласно авторам, расчет «немецких восточников» и «советских милитаристов» основывался на следующем: «если идеи военно-политической диктатуры восторжествуют в обеих странах, если к власти в Германии придут военные русофилы, а к власти в России – советские германофилы, то союз двух держав будет непобедим, а реванш – неотразим» [49, с. 538–539].

В результате «тайных связей» заговорщиков готовился «военный переворот» или «двойной выстрел» и в Германии, и в СССР, но не удался. О реальности «военного заговора» знали советские вожди. Так, «Молотов говорил Чуеву: «мы... знали о заговоре. Нам даже была известна дата переворота... на втором московском процессе были озвучены планы заговорщиков о поражении в войне,

создании марионеточного правительства и расчленении СССР в обмен на западную помощь» [49, с. 543–544].

В последующих исследованиях историков-патриотов, по мере накопления исторического материала, С.Т. Минаков выступил с концепцией «заговора красных маршалов», которая во многом развивала концептуальные положения А.И. Колпакиди и Е.А. Прудниковой. В своих книгах с громкими названиями «1937: Заговор был!» (2010), «Заговор красных маршалов. Тухачевский против Сталина» (2018) автор исходит из положения о «превентивности» разгрома антисталинского заговора: «репрессии носили превентивный характер» [50, с. 28]. Недостаточность материальных свидетельств «заговора» автор объясняет тем обстоятельством, что И.В. Сталину и его группировке удалось нанести сокрушительный удар по планам «военных заговорщиков» на стадии идейно-политической и психологической подготовки и решимости осуществить «государственный переворот».

В концепции С.Т. Минакова реконструируется следующая версия политических процессов второй половины 1930-х годов. После высылки Троцкого, расстрела Зиновьева и Каменева реальной политической фигурой, которая являлась «альтернативой Сталину» стал маршал М.Н. Тухачевский. Фигура Тухачевского как лидера антисталинской оппозиции устраивала как внешних врагов СССР в лице «коллективного Запада», так и внутренних врагов Советской республики в лице различного рода оппозиционеров-антисталинистов. Причем Запад рассматривал маршала М.Н. Тухачевского, не только как «альтернативу Сталину», но и как «альтернативу большевизму». Речь шла об уничтожении «большевистского режима» посредством «военного заговора красных маршалов», поддержанного западными спецслужбами: «на судебном процессе 1938 г., было обвинение в том, что заговорщики, прежде всего военные: готовили поражение Красной армии в случае войны, в обстановке которой они намеревались свергнуть советское правительство» (Тухачевский расстрелян в 1937 г., Блюхер и др. в 1938) [51, с. 184].

Для С.М. Минакова очевиден следующий исторический аспект: «Общеизвестно, что... Гитлер не скрывал того, что главным противником Германии

является Россия, что уничтожение «еврейско-большевистской» власти в России – его генеральная миссия в мире» [51, с. 189]. Поэтому любые попытки смены в СССР лидера ВКП(б), или Правительства СССР в целом, или усиление внутривластной оппозиции объективно служили интересам фашистской Германии.

Таким образом, группировки военных заговорщиков – «группировка Тухачевского» и группировка «Гамарник – Якир – Уборевич» выступали:

- против оборонной стратегии Сталина и Ворошилова;
- требовали смены высшего руководства вооруженными силами СССР;
- входили в непосредственный контакт с высшим генералитетом Германии;
- участвовали в дипломатических и военных переговорах с противниками СССР;
- вели подрывную деятельность по сокращению вооружений и личного состава, а также готовили военное поражение СССР;
- подготавливали военный переворот 1937 года, расставляя «своих людей» в вооруженных силах СССР, в частности комкора Фельдмана на должность заместителя командующим Московским военным округом.

В результате, как полагает С.М. Минаков, не И.В. Сталин и его соратники, а именно «военные заговорщики» во главе с маршалом М.Н. Тухачевским, взявшие курс на подготовку государственного переворота, вынудили советское политическое руководство начать репрессии в РККА, что в дальнейшем «спровоцировало германскую агрессию против СССР в 1941 году» [51, с. 340].

Действительно, какой смысл был в репрессиях если бы в 1930-е годы существовало внутривластное, военно-политическое, идейное единство вокруг признанных вождей Сталина, Молотова, Кагановича, Кирова, Микояна, Маленкова, Ворошилова и др. Сама идея репрессий не могла возникнуть без очевидных противоречий в рядах партии, без очевидных планов различного рода заговорщиков.

Либеральные историки утверждают, что И.В. Сталин разрабатывал и осуществлял план репрессий для укрепления личной власти. Такой подход в корне неверен. И.В. Сталин не нуждался в каком-то мифическом «укреплении личной

власти», он эту власть имел, будучи неоспоримым лидером страны, «вождем партии и народа». Репрессии, по всей вероятности, явились ответной реакцией «сталинистов» на попытки узурпации власти со стороны заговорщиков. Этот аспект репрессий нашел свое развернутое воплощение в работах историка А. Шубина.

Концепция «антитеррора Сталина» против террора «троцкистско-зиновьевского подпольного центра» А. Шубина [52]. Автор данной концепции исходит из тезиса о перманентности террора большевистской партии на всем протяжении ее существования. Известно, что террор как метод борьбы постоянно применялся большевиками практически против всех оппозиционных партий и всех идейно-политических течений, против всех бывших сословий Российской Империи и далее против всех классов Советской страны. Однако начало внутривнутрипартийного террора автор связывает не с И.В. Сталиным и его окружением, а с противниками Сталина, с «антисталинским сопротивлением».

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков и др., по мысли автора, представляли собой «клановую бюрократию» и фактически образовывали «правительство Троцкого», «правительство Зиновьева», «правительство Рыкова». Несомненно также, что вожди большевизма, будучи противниками И.В. Сталина, подготавливали идейно и конспиративно обсуждали реальные планы по террористическому устранению сталинской группировки. И.В. Сталин, как полагает автор, после убийства С.М. Кирова «сформировал антитеррористический режим, т.е. такую государственную систему, приоритетной задачей которой является борьба с терроризмом» [52, с. 156]. «Антитеррор Сталина» в данной концепции выступает как вынужденная мера в процессе «сжатия власти» до «узкой бюрократии» с целью удержания всей полноты власти и предотвращения «крушения большевистского режима» и спасения страны.

Важно подчеркнуть: в патриотической литературе выделяется два главных тезиса относительно «заговора военных». Во-первых, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, Я.Б. Гамарник, И.Э. Якир, В.К. Блюхер, П.М. Фельдман, В.К. Путна и другие нанесли РККА громадный вред, ослабили ее обороноспособность, что сказалось в первые месяцы войны (масштабы вредительства

«красных моисеев» в полной мере еще не оценены). Политическая линия «военных заговорщиков» на ликвидацию И.В. Сталина пересекалась с военно-стратегическим ослаблением вооруженных сил СССР и подготовкой «военного поражения». Во-вторых, в результате уничтожения военных лидеров «пятой колонны в СССР» произошло выдвижение «русских военных кадров» – Г.К. Жукова, Б.М. Шапошникова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, К.А. Мерецкова, Р.Я. Малиновского, Л.А. Говорова, Ф.И. Толбухина и других, что обеспечило победу в Великой Отечественной войне.

Авторы патриотического направления дают во многом схожие оценки репрессий 1937 – 1938 гг. Наиболее достоверное, на наш взгляд, обоснование сути репрессий обнаруживается в *концепции «войны за независимость СССР в 1937 году» М.Ю. Ошлакова* [53]. В основе концептуальных положений автора находится «теория заговора стран Запада» против СССР, а также проблемы, связанные с доминированием «еврейских большевиков» во всех сферах руководства и управления советского государства.

Суммируем основные положения автора.

1. «Малый народ» в ходе революции и Гражданской войны посредством геноцида, террора, «холокоста казачества», «ритуальных казней», «классового уничтожения», «высылки интеллигенции» и другими способами истребил и выдал за границу элиту «государствообразующего» или «большого народа», а затем сам стал «элитой большого народа». «После революции вследствие разгрома русских национальных кадров большое число государственных должностей заняли именно евреи. К 1933 году количество евреев, проживавших в Москве, увеличилось по отношению к 1912 году в более чем в сорок раз. Подавляющее большинство из них... занимали высокие посты в партийном и советском аппарате, средств массовой информации, в литературе и искусстве» [53, с. 109].

2. В послереволюционное время «элита малого народа», захватившего Россию, разделилась на две противоборствующие группировки. Группировка «троцкистов», «продолжала ориентироваться на Запад, сохраняя верность ранее принятым на себя обязательствам», а другая группировка «сталинистов»,

«изначально воспринимавшая контакты с Западом как тактический ход, стремилась разорвать их и добиться экономической и политической независимости для своей страны» [53, с. 29]. «Троцкисты» готовили для России колониальное будущее. Для этого они начали «саботаж индустриализации», создание «концессионной экономики», «сокращение Красной Армии» и перевод ее подразделений на «территориально-милиционную систему комплектования» и другие антигосударственные мероприятия.

3. Автор полагает: постоянное переосмысление в историографии и публицистике «большого террора» или «сталинских репрессий» имеет цель сокрытия действительно «большого террора» периода Гражданской войны: «Красный террор... вне всякого сомнения, многократно превосходил количество жертв «сталинских репрессий». Известно, что определяющую роль в организации этого террора играли лица еврейской национальности. В наше время сионисты пытаются скрыть, замолчать этот факт» [53, с. 37].

4. Одну из основных причин репрессий автор видит в перерождении «еврейской бюрократии», которая из «поработителей» превращалась в «расхитителей» завоеванной страны: «Что касается «еврейской» бюрократии, – пишет историк, – то она в массе своей... превратилась в тормоз для развития страны. Уже к началу 1930-х годов вокруг наиболее высокопоставленных большевиков еврейского происхождения сформировались влиятельные кланы». Эти кланы, констатирует автор, «расхищали» народное богатство страны: «только Г. Ягода ежемесячно расхищал из бюджета НКВД около полутора миллионов рублей на содержание в Москве своих многочисленных родственников» [53, с. 111–112]. Отсюда, полагает автор, «у Сталина не было иного выхода, кроме как вырвать все эти кланы с корнем... и аресты нескольких сотен человек вызывали ощущение массовых репрессий с очевидной антиеврейской направленностью» [53, с. 112].

5. В концепции М.Ю. Ошлакова «политические репрессии» выступают как «война за независимость СССР», в результате которой планы «мировой закулисы», выраженные в известных словах Л.Д. Троцкого: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую

тиранию, которая не снилась самым страшным деспотам Востока», были сорваны И.В. Сталиным и «очистительный 1937 год» стал главным итогом победы русского народа за собственное будущее.

Историки вполне обоснованно, как мы видим, сущность репрессий пытаются обнаружить в специфике «еврейского большевизма» в России и посредством осмысления «еврейского вопроса» периода политических репрессий все ближе подходят к потаенному смыслу репрессивной политики. С другой стороны, некоторые историки патриотического направления ставят под сомнение политические, национальные аспекты «еврейского вопроса», но обнаруживают экономические аспекты в преступной деятельности руководителей советских органов власти еврейской национальности.

Признанный специалист в сфере изучения истории спецслужб *Александр Север* «загадку 1937 года» в книге *«Тайна сталинских репрессий»* (2007 г.) усматривает не в политических факторах, а в *экономических преступлениях и коррупционной деятельности репрессированных*. С точки зрения автора существуют два устойчивых «мифа» в историческом анализе репрессий. Первый миф – связан с тем, что «одни искренне верят, что в первые годы советской власти евреи заняли все ключевые посты в ВЧК-ОГПУ и сделали все для уничтожения русского народа... именно эти люди принимали активное участие не только в «красном терроре», но и в репрессиях 1937 года». Второй миф – связан с тем, что «другие, наоборот доказывают... что иудеев было очень мало в ВЧК-ОГПУ-НКВД и все они погибли в том же 1937 году или были уволены из органов, а кто-то из них... репрессирован в конце сороковых годов» [54, с. 7].

А. Север отмечает: первоначально «еврейские большевики» действительно занимали руководящие должности в партии, госбезопасности и государстве. Однако волна репрессий по отношению к «евреям-чекистам» и другим была спровоцирована деятельностью преступных «еврейских кланов», которые образовались как в органах госбезопасности, так и в партийно-государственных и военных структурах: «всех их в первую очередь интересовало личное благополучие и карьера, а только потом интересы нации» [54, с. 8]. Об этом свидетельствуют

«Протоколы допросов» известных евреев-руководителей, которые были репрессированы.

А. Север обратил внимание на экономическую сторону в ходе расследования преступной деятельности репрессированных (реальные хищения государственной собственности и растраты государственного имущества). Автор сформулировал основной вопрос для понимания сущности репрессий следующим образом: если политическая составляющая «Протоколов допросов» может вызывать сомнения, то экономическая составляющая (речь идет о миллионных растратах советских денег в личных, корыстных целях) никаких сомнений не вызывает. Опись имущества, траты на содержание родственников осужденных, дома, дачи, квартиры, машины, драгоценности, предметы искусства и др. не вызывают никакого сомнения. Так, например, содержание клана родственников и приближенных Наркома внутренних дел Генриха Ягоды государству обошлось только «за 9 месяцев 1936 года 3 млн. 718 тыс. рублей – деньги по тем временам громадные, – отмечает автор» [54, с. 17].

Таким образом, следователи не фальсифицировали экономические преступления обвиняемых, а только констатировали подлинные факты. И в результате, как полагает автор, для того чтобы не нести на себе клеймо государственного расхитителя общенародной собственности, репрессированные делали признания и в политических преступлениях.

В контексте изучения репрессий, по мере расширения исследовательской базы и ввода в научный оборот новых исторических фактов некоторые авторы, ранее признававшие либеральные теории репрессий, фактически переходят на патриотические позиции. Л.Л. Рыбаковский (научный сотрудник ИСПИ РАН) в книге «*Политический террор. 1937–1938 гг.*» выделяет следующие причины репрессий, которые обнаруживаются и в патриотических концепциях [55].

Первая причина: непропорционально соотношение представителей государствообразующей нации (русские) по сравнению с «малым народом» (евреи) в структурах власти. Л.Л. Рыбаковский поддерживает точку зрения известных отечественных историков проф. А.С. Барсенкова и проф. А.И. Вдовина, которые

полают, что одной из основных причин репрессий было *«несоответствие доли русских во власти»* и в *«необходимости изменения этого положения, т.е. выдвижения славянского этноса во власть»* [55, с. 64].

Далее в своем анализе репрессий Л.Л. Рыбаковский, как и многие авторы патриотического направления, приводит следующие статистические данные: *«максимальный удельный вес в ЦК евреи занимали в 1917–1918 гг. – 25%. В период с 1918 по 1939 гг. удельный вес евреев в составе ЦК колебался в пределах от 10 до 18%... затем количество евреев в ЦК резко уменьшается: в 1939г. – 14, в 1952 г. – 5%... такая же картина наблюдалась и в национальном составе правительства страны, и в других ведомствах... в органах внутренних дел... единоплеменики Ягоды командовали 95% Лагерьей ГУЛАГа... В ноябре 1936 г. Среди руководящих работников НКВД славян было 37%, евреев – 39%, кавказцев – 5%, поляков и немцев – 15%... К середине 1939 г. В составе руководящих кадров НКВД славян уже было 80%, евреев – 4%»* [55, с. 65–66].

Вторая причина: проведение репрессий против представителей тех национальностей, которые были во враждебных отношениях с Советским государством. Автор отмечает: *«1937–1938 годы – это время репрессий против тех национальностей, этнические корни которых находились в сопредельных с Советским Союзом странах... было осуждено свыше 210 тыс. немцев, поляков, греков, румын, эстонцев, латышей, финнов, литовцев, болгар, македонцев, афганцев и др.»* [55, с. 71–72]. Общая цель данного типа репрессий, согласно автору, обезопасить страну от проникновения шпионов, диверсантов, террористов.

Третья причина: уничтожение «пятой колонны» – внутреннего врага. К «пятой колонне», по мысли автора, относили: выходцев из «бывших» служащих (полицейских, жандармов, церковных деятелей, мулл и др.), кулаков, представителей различных партий, сотрудничавших с большевиками (эсеры, меньшевики, анархисты). Большой процент репрессированных пришелся также на замену «старых партийных кадров», которые в новых условиях являлись объективным препятствием к построению социализма. Здесь Л.Л. Рыбаковский фактически разделяет точку зрения историка О.В. Хлевнюка, который полагает, что

«основной целью репрессий была кадровая замена – уничтожение старых функционеров и замена их молодыми, преданными вождю работниками» [55, с. 79].

Подчеркнем: в общем виде исследование Л.Л. Рыбаковского наглядно показывает, как в академической среде осуществляется попытка рассматривать репрессии не с либеральной точки зрения, как тотального произвола, творимого «кликкой Сталина», а с патриотической точки зрения как реальной внутривнутриполитической борьбы с целью сохранения СССР, советского строя и организации народов России на борьбу с внешними врагами.

В концептуальных подходах авторов патриотического направления рассматривается также вопрос о целях и возможных последствиях заговорщической деятельности «антисталинистов» 1930-х годов. Здесь следует выделить *концепцию «реставрации капитализма в СССР красными олигархами» П. Краснова и С. Цыркуна* [56; 57].

Подчеркнем: идеи «реставрации капитализма» в СССР активно разрабатывались в среде заговорщиков антисталинистов еще в 1920-е годы, позднее в середине 1930-х годов. В ходе репрессий носители этих идей были частично уничтожены (космополитическая часть «ленинской гвардии») и возродились уже в наше время – в годы «Перестройки», а в 1990-е годы воплотились в экономической, политической и социальной жизни России, – таков основной концептуальный тезис и одновременно вывод указанных авторов. П. Краснов отмечает: «реальными идеологами того времени и по совместительству представителями крупных олигархических кланов были Альтман, Кольцов (Фридлянд), Лежнев (Альтшулер), Радек (Сабельсон). Это были тогдашние познеры, сванидзе, киселевы, коротичи» [56, с. 110]. Стоит также отметить, что на большинстве судебных процессов 1937–1938 гг. «реставрация капитализма в СССР» была одним из основных пунктов обвинения (московские процессы и др.).

Общие цели «пятой колонны» в советской России, согласно авторам, были направлены на: 1) ликвидацию общественной собственности и восстановление частной собственности; 2) на трансформацию и разрушение советского

государства; 3) на превращение «партийной олигархии» в финансовую олигархию западного типа.

В итоге, полагает П. Краснов, в ходе репрессий второй половины 1930-х годов «преступная партийная олигархия» была «вырезана под корень» и «реставрации капитализма в СССР» оказалась невозможной.

«Концепция спланированного убийства И.В. Сталина» как прямое доказательство обоснованности политических репрессий 1930-х годов. Следует отметить: относительно насильственной смерти И.В. Сталина (отравление) существует определенное единство исследователей либерального и патриотического лагеря. Е.Ю. Спицын обобщает взгляды наиболее известных историков, разделяющих версию «убийства вождя». Он пишет: «В последнее время наиболее ходячей стала версия либо преднамеренного, либо опосредованного (в том числе путем неоказания своевременной медицинской помощи) убийства И.В. Сталина, за которым стояли либо Л.П. Берия (А.Г. Авторханов, Д.А. Волкогонов, В.Н. Наумов, Дж. Брендт, Э.С. Радзинский), либо Н.С. Хрущев (Ю.Н. Мухин, С.Т. Кремлев), либо Н.А. Булганин (С.С. Миронин), либо С.Д. Игнатъев (Е.А. Прудникова)... как считает ряд профессиональных историков (А.В. Пыжиков, Д.В. Кобба), некоторые симптомы внезапной сталинской болезни... дают все основания предполагать, что И.В. Сталин был действительно отравлен каким-то органическим (алколоидным) ядом» [58, с. 448].

Современный процесс раскрытия и уголовно-процессуального следствия по спланированному убийству И.В. Сталина, по мнению некоторых исследователей, может явиться очевидным доказательством государственно-правовой обоснованности политических репрессий середины 1930-х годов. Исследователь С.С. Миронин отмечает: «Последствия признания того, что Сталин был убит, будут колоссальны как для исторической науки, так и для общественного сознания – станет очевидно, что заговоров с целью уничтожения СССР было несколько, будет в принципе изменена картина событий 1937–1939 годов (периода т.н. «массовых репрессий»), возможно, будут пересмотрены причины поражений РККА в начале 1941 года, станет намного более понятной «перестройка»

и причины, ее вызвавшие, целенаправленное замораживание позднесоветской элитой технического прогресса и рывка в космос и так далее» [59, с. 2].

В заключение необходимо обозначить следующие выводы.

Во-первых, в историческом анализе политических репрессий второй половины 1930-х гг. принципиально необходимо учитывать «еврейский вопрос», а также «русский вопрос» – в динамике соотношения этих «вопросов» раскрывается потаенная сущность феноменологии репрессий. «Национальный поворот» в годы репрессий, несомненно, существовал и осуществлялся в кадровой политике партии посредством замены «еврейских кадров» на новые руководящие «русские кадры» (революционеров космополитов на патриотов государственников).

Во-вторых, политические репрессии второй половины 1930-х годов имели не только внутривнутриполитическое значение, но и внешнеполитическое. И.В. Сталина и его соратникам (сталинистам) удалось дважды сорвать планы «мировой закулисы». В 1920-е годы (после провала немецкой революции 1923 г.), а затем в 1930-е годы И.В. Сталин решительно отказался от иудео-масонской идеи «мировой революции» и тем самым фактически сохранил историческую Россию, российскую государственность и «спас» русский народ от тотального уничтожения в «пожаре мировой революции». В ходе репрессий были уничтожены именно те партийные кадры, которые отстаивали троцкистские идеи «перманентной революции» и имели тайные связи с представителями «мировой закулисы» и, в первую очередь, с еврейскими олигархическими кланами Запада.

Затем в годы Великой Отечественной войны Советский союз, под руководством И.В. Сталина (Верховный главнокомандующий и Председатель ГКО) сумел разгромить фашистскую группировку стран агрессоров, организованную «мировой закулисой» («протоНАТО» в современной терминологии). И здесь репрессии второй половины 1930-х годов имели значение как фактор устранения партийной и военно-политической оппозиции и как фактор консолидации всех национально-государственных сил перед «большой войной».

В-третьих, в историческом анализе «жертв политических репрессий» 1930-х гг. необходимо за точку отсчета принять вполне объективные данные,

приведенные в статье директора ФСБ России А.В. Бортникова: «Ещё в конце 1980-х годов была рассекречена справка МВД СССР от 1954 года о количестве осужденных за контрреволюционные и иные особо опасные государственные преступления, в том числе за бандитизм и военный шпионаж, в 1921 – 1953 гг. – 4 060 306 человек. Из них к высшей мере наказания приговорены 642 980, к ссылке и высылке – 765 180. Об этом говорят архивные материалы. Все другие цифры являются дискуссионными» [60].

В-четвертых, в ходе изучения феноменологии репрессий второй половины 1930-х годов обнаруживается своеобразная *диалектика репрессивной политики* в СССР. Очевиден факт перехода репрессий периода революции и Гражданской войны, направленный против русской национальной элиты в репрессии «периода сталинизма», направленные против элиты «малого народа». Чем обусловлен такой диалектический переход противоположностей? Многие авторы патриотического направления отвечают на этот вопрос кратко – это было «возмездие». Здесь уже речь идет не о научных исследованиях, а о «мистическом плане истории», об «историософии русской истории», о религиозно-исторической проблематике.

В-пятых, количество концептуальных подходов к анализу политических репрессий второй половины 1930-х годов постоянно увеличивается. И в либеральном, и в патриотическом подходах идет процесс переосмысления некоторых положений. В целом же обнаруживается либеральная тенденция, направленная на закрытие или полное замалчивание некоторых основных вопросов исследуемого периода. Так, например, возникают требования на законодательном уровне приравнять «сталинизм» к «гитлеризму», сравнить коммунизм и фашизм («коммунофашизм» и пр.), признать политические репрессии в СССР на международном уровне как «преступления против человечества». В законодательных органах РФ обсуждаются вопросы запрета тех исследований, которые направлены на защиту «сталинизма» и «оправдание» политических репрессий.

Таким образом, сегодня исследования политических репрессий в СССР второй половины 1930-х годов, с одной стороны, получают новые концептуальные

обоснования, с другой стороны, данные исследования постепенно переходят из области научного дискурса в политическое противостояние различных социально-политических сил современного российского общества.

Список литературы

1. Мягков М.Ю. История России: учебное пособие. Часть 3: Двадцатый век 1914–1991 гг. / М.Ю. Мягков, О.Г. Обичкин; под ред. проф. В.И. Уколовой. – М.: «МГИМО-Университет». – 598 с.
2. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Проспект, 2012. – 768 с.
3. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / В.А. Федоров, В.И. Моряков, Ю.А. Щетинова. – М.: Проспект, 2017. – 536 с.
4. Спицын Е.Ю. Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. 3. – М.: Концептуал, 2018. – 440 с.
5. Сталин здесь / А. Фурсов, О. Четверикова, В. Катасонов, Е. Спицын. – М.: Наше Завтра, 2021. – 362 с.
6. Троцкий Л.Д. Преданная революция / Л.Д. Троцкий. – М.: НИИ культуры, 1991. – 256 с.
7. Троцкий Л.Д. Преступления Сталина / Л.Д. Троцкий. – М.: Гуманитарная литература, 1994. – 310 с.
8. Троцкий Л.Д. Сталин / Л.Д. Троцкий. – М.: Russian chess house / Русский Шахматный Дом, 2018. – 592 с.
9. Орлов А.М. Тайная история советского времени / А.М. Орлов. – М.: Алгоритм, 2014. – 320 с.
10. Такер Р. Сталин. История и личность. Путь к власти. 1879–1929. У власти. 1928–1941 / Р. Такер. – М.: Весь мир, 2006. – 864 с.
11. Сейерс М. Тайная война против Советской России / М. Сейерс, А. Кан. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 336 с.

12. Ваксберг А. Сталин против евреев. Секреты страшной эпохи / А. Ваксберг. – New York: Liberty publishing house, 1995. – 416 p.
13. Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет: в 2-х книгах. Кн. 1 / Д.А. Волкогонов. – М.: Новости, 1996.
14. Радзинский Э.С. Сталин / Э.С. Радзинский. – М.: Вагриус, 1997. – 638 с.
15. Рапопорт В.Н. Измена Родине / В.Н. Рапопорт, Ю.А. Геллер. – М.: Стрелец, 1995. – 464 с.
16. Хлевнюк О.В. Хозяин Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 480 с.
17. Хаустов В. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 432 с.
18. Черушев Н.С. 1937 год. Был ли заговор военных? / Н.С. Черушев. – М.: Вече, 2018. – 576 с.
19. Был ли Сталин агентом Охранки? / вступ. ст. Фельштинского. – М.: Терра – Книжный клуб, 1999. – 480 с.
20. Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? / А.В. Островский. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. – 638 с.
21. Рабинович Я.И. Еврейство между Сталиным и Гитлером / Я.И. Рабинович. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – 320 с.
22. Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ / Ж.А. Медведев. – М.: АСТ, 2005. – 253 с.
23. Тумшис М.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря / М.А. Тумшис, В.А. Золотарев. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 848 с.
24. Верхотуров Д.Н. Сталин и евреи. Информационная война против Вождя / Д.Н. Верхотуров. – М.: Яуза-пресс, 2017. – 256 с.
25. Козлов В.И. Евреи в России – СССР. Реалии жизни и мифы антисемитизма / В.И. Козлов. – М.: Русская Правда, 2010. – 320 с.
26. Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 ч. Ч. 2 / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2002. – 552 с.

27. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия): в 2 ч. Часть I: От царизма до победы во Второй мировой / Г.В. Костырченко. – М.: Международные отношения, 2015. – 504 с.
28. Романенко К.К. Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР / К.К. Романенко. – М.: Яуза-пресс, 2012. – 288 с.
29. Козенков Ю.Ю. Голгофа России. Схватка за власть / Ю.Ю. Козенков. – М.: Фонд национальных перспектив, 2003. – 637 с.
30. Платонов О.А. Эпоха Сталина / О.А. Платонов. – М.: Родная страна, 2013. – 416 с.
31. Платонов О.А. Сталин Иосиф Виссарионович / О.А. Платонов // Святая Русь. Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. – М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. – 928 с.
32. Платонов О.А. История русского народа в XX веке / О.А. Платонов. – М.: Алгоритм, 2009. – 1264 с.
33. Семанов С.Н. Сталин для русских XXI века / С.Н. Семанов. – М.: Само-тека, 2009. – 512 с.
34. Бегунов Ю.К. Тайные силы в истории России / Ю.К. Бегунов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 944 с.
35. Большаков В.В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды / В.В. Большаков. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1248 с.
36. Платонов О.А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ / О.А. Платонов. – М.: Алгоритм, 2011. – 1344 с.
37. Платонов О.А. Бич Божий. Величие и трагедия Сталина / О.А. Платонов. – М.: Алгоритм, 2005. – 416 с.
38. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. / Ю.Н. Жуков. – М.: Аква-Терм, 2010. – 528 с.
39. Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. Репрессии: мифы и факты / Ю.В. Емельянов. – М.: Вече, 2017. – 384 с.

40. Кожин В.В. Россия. Век XX / В.В. Кожин. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 1040 с.
41. Торбеев Г.И. Сталин: правда и вымыслы / Г.И. Торбеев, П.Г. Свечников. – Челябинск: Патриот, 2007. – 608 с.
42. Елисеев А.В. Сталин против «Оранжевой чумы». Глобальный заговор 1937 / А.В. Елисеев. – М.: Яуза-пресс, 2012. – 320 с.
43. Елисеев А.В. 1937. Вся правда о «сталинских репрессиях» / А.В. Елисеев. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 352 с.
44. Мартиросян А.Б. Сталин против пятой колонны. 1937–1938 гг. / А.Б. Мартиросян. – М.: Вече, 2017. – 512 с.
45. Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х гг. / А.Б. Мартиросян. – М.: Вече, 2014. – 416 с.
46. Ключник Р.Т. Кто репрессировал в 30-х: Братья Берманы? Сталин? Или... / Р.Т. Ключник. – СПб.: СПб СРП «Павел» ВОГ, 2014. – 496 с.
47. Дикий А.И. Евреи в России и в СССР / А.И. Дикий. – Новосибирск: Культурно-просветительское предприятие «Благовест», 2005. – 668 с.
48. Буровский А.М. Мифы и правда о 1937 годе. Контрреволюция Сталина / А.М. Буровский. – М.: Яуза-пресс, 2010. – 288 с.
49. Колпакиди А.И. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи / А.И. Колпакиди, Е.А. Прудникова. – М.: ОЛМА-Пресс, 2000. – 560 с.
50. Минаков С.Т. 1937: Заговор был! / С.Т. Минаков. – М.: Яуза-Пресс, 2012. – 320 с.
51. Минаков С.Т. Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина / С.Т. Минаков. – М.: Алгоритм, 2018. – 368 с.
52. Шубин А. 1937. Антитеррор Сталина / А. Шубин. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – 352 с.
53. Ошлаков М.Ю. Сталин их побери! 1937: Война за независимость СССР / М.Ю. Ошлаков. – М.: Яуза-пресс, 2011. – 224 с.
54. Север А. Тайна сталинских репрессий / А. Север. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.

55. Рыбаковский Л.Л. Политический террор. 1937–1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР) / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Эконинформ, 2013. – 245 с.

56. Краснов П. Как Сталин предотвратил «перестройку» / П. Краснов. – М.: Алгоритм, 2011. – 224 с.

57. Цыркун С. Сверхсекретная история Большого террора. На пути к 1937 году. Сталин против «красных олигархов» / С. Цыркун. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – 352 с.

58. Спицын Е.Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах / Е.Ю. Спицын. – М.: Концептуал, 2018. – 528 с.

59. Миронин С.С. Убийство Сталина. Крупнейший заговор XX века. Загадка 1937 г. / С.С. Миронин. – М.: Эксмо, 2011. – 208 с.

60. Бортников А.В. К 100-летию органов Госбезопасности / А.В. Бортников // Российская газета. – 20.12.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html> (дата обращения: 14.08.2021).

Ермаков Вячеслав Алексеевич – канд. филос. наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Россия, Москва.
